

ДВЕ КАРТИНЫ МИРА: "СЛОВО...ПО ПАСЦѢ" КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО И "СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ"

"Слово... по пасцѣ" Кирилла Туровского и "Слово о полку Игоревѣ" относятся к произведениям традиционной культуры восточных славян в двух ее разновидностях--христианской и мирской. Второй текст (сокр. Слово-2) изображает скорее языческий мир, нежели христианский, т.к. в нем христианская жизнь чуть мерцает на языковом фоне. Два слова объединяет поучительное начало, каждый из авторов-наставников несколько раз варьирует, раскрывает свою тему, чтобы текст стал информативным, ясным, релевантным для слушателей[1].

Концептуальная структура Слова-1 и Слова-2 объединены одной оппозицией гибель/воскресение. В Слове-1 жертва Христа ("я должен") и его последующее воскресение является залогом будущего благополучия христианского мира и его созидательного строительства как разумной и одухотворенной среды обитания христианина. В Слове-2 плен Игоря (на семантическом уровне его гибель), как и смерть других князей и их дружин мотивируется не жертвой, а тщеславием и эгоизмом ("я хочу"), что и приводит мир Русской земли к разрухе, гибели.

Развертывание мира в Слове-1 и в Слове -2 происходит в двух направлениях – предметно-чувственном, реальном, и в идеальном, мифопоэтическом, причем идеальное накладывается на реальное, и таким образом создается сложный метафорический образ мироздания. Но если в Слове-1 земное и небесное составляют единый мир физического и духовного произрастания, благополучия, то в Слове-2 реальный блок и мифологический расходятся: каждый из них создает разные картины мира. Цепь реальных событий, развивающихся по принципу "я хочу" приводит к разрушению реального мира. "Мифологическое повествование" заканчивается "вселенской радостью", вызванной спасением князя как главы сакрального мира [2: с.28]. Идея движения, развития объединяет оба мира, но сама направленность этого процесса разводит их на противоположные полюсы. Слово-1 как вербально-знаковая символизация христианской культуры исходит из положительного опыта организации среды обитания христианина в духовное и разумное целое, т.е. их правильного христианского поведения. Слово-2 как мифопоэтическое представление о старом мире показывает его развитие на основе отрицательного опыта, разрушающего единое пространство культуры.

В мире Слова-1 происходит сохранение и преумножение блага, благополучия, веселья, радости, т.е. бытия. Целостная гармоническая связь макрокосма и микрокосма, природнокосмический порядок поддерживается «цепью действий» – честным, правильным («по силѣ, яко же можем») выполнением насельниками своих обязанностей, духовных и земных.

Мир Слова-2 развивается на основе принципа "я хочу", он также сверкает природными красками и изобилен, но его изобилие представлено бедами, плачем, печалью, тоскою, кровью, костями, смертью, разрушением, т. е. изобилием войны, не-бытия. Автор говорит о мотиве похода Игоря: "спала князю умь похоти (охота, "я хочу"), и жалость (страсть, нетерпение, то же "я хочу") ему знамение заступили". И сам князь говорит о своем желании (Д.С. Лихачев называет его "похвальбой" [3]. Руководствуясь эгоистическими мотивами (честолюбие, вседозволенность, личное обогащение, и т. д. – "я хочу", сеют смуту и междуусобицы дед Игоря Олег Гориславович (мечем крамолу коваше, съяшется и растяшетъ усобицами, усобица от собити, "присваивать себе": полоцкий князь Всеслав (връжи...жребий о двицю себѣ любу, жребий от *zerbъ "кусоч, доля, счастье"), бросившийся один на половцев князь Изяслав, юный князь Ростислав, посмеявшийся с дружиной над монахом и утопивший его в реке. У всех "ложное делание" приводит к неизбежному трагическому завершению событий для самих делателей и для Русской земли. Развернутыми метафорами *битва—сев*, *битва—свадебный пир* автор подводит итог почти трехдневной битве Игоря с половцами (А Игорева храбраго пльку не крѣсити), сложной метафорой *битва – молотьба хлеба* характеризует губительные последствия действий Всеслава, положившего костями свою дружину на Немиге; поразительными по трагедийному звучанию метонимиями создает образную картину гибели Изяслава (изрони жемчюжну душу...чресь злато ожерелие) и его дружины, которую "птиць крылы приодѣ", находит свою смерть в реке Стугне Ростислав. Слезы, печаль, тоска, смерть растекаются по Русской земле.

Мифопоэтический текст Слова-2 отражает единство человека и природы, причем природа для каждой противодействующей стороны выполняет семантические функции "предсказателя", "защитника", "помощника", "сопереживателя" в несчастье и в радости. На ошибочность замысла Игоря еще в доречевом этапе указывает природа макрокосмическим знаменем – солнечным затмением, мотив которого дважды следует один за другим. Еще до обращения к дружине Игорь заметил и понял смысл затмения (видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, но желание славы превыше разума, он двинулся в поход и уже по дороге вторично "Солнце ему

тьмою путь заступаше". Предвестниками несчастья для русских князей становятся звери, птицы, гроза: "нощь стонуци ему птичь убуди", "свисть зверинь вѣста", "беды его пасеть птицъ по дубию", "вльци грозу вѣсрожать по яругамъ", "орли клеткомъ на кости звѣри зовуть" и т.д. И своя земля-защитница уже ничем не может помочь русским воинам: "О Русская земле! уже за шеломянемъ еси!". Если в Слове –1 свет заливают новый мир духовного и физического делания, то в Слове-2, в мире физического действия и нехристианской духовности развивается образ тьмы как условный знак горя, печали, тоски, смерти, разрушения: "тьма свет покрыла", "заря свет запала", "темно бо бѣ", "чръныя тучя с моря идуть", "трепещуть синии мльнии, "тьмою...прикрыты", "тьмою...заступаше", "два солнца помѣркоста", "оба стълпа погасоста", "тьмою поволакоста" и др. Одинаковые ключевые слова: весенний сев, вѣтри, земля, древо, ратаи, рѣки, радость, веселие и др., структурирующие картину мира, встречаются в обоих текстах, но их семантическая наполняемость и синтагматика различны.

В Слове-1 ратаи засевают поле семенами и веселятся в ожидании будущих благ, в Слове-2 ратаи "рѣтко кикахуть", воины засевают поля своими костями, стрелами, поливают своею кровью в Слове-1 "бурнии вѣтри...полезныя плоди гобзують", в Слове-2 "вѣють стрѣлами", стрелами идет и дождь; в Слове-1 "древа лѣторасли испущають", в Слове-2 "древо с тугою к земли преклонилося", "не бологомъ листовие срони", "ничить трава жалощами"; в Слове-1 "рѣки...наводняются", в Слове-2 "мутно текуть", "болотом течеть", "Сула не течеть сребреными струями, "иссуши потоки и болота" и т. д.

Представленный в Слове-2 полный земледельческий цикл сев – всходы—жатва (косьба) – молотьба – веяние, связанный с идеей гибели (воскресения в системе мифологического мышления) [2, с.31], наполнен семантикой разрушения, смерти, не-бытия: сеют костями, стрелами, усобицами – поливают стрелами – всходят усобицы, туга – жнут – стелют головами – молотят "чепи харалужными" – веют душу от тела. Таким образом, отсутствие духовного посева приводит к разрушению весь созидательный земледельческий круг бытия.

Таким образом, выдающиеся памятники древнерусской культуры XII в. показывают два пути развития мира: путь блага, бытия и путь не-блага и не-бытия. Первый предполагает развитие среды обитания человека на основе единства духовного и разумного начала в человеке-христианине, подчиняющим свою деятельность принципу "я должен", второй--приводит к ассиметрии картины мира, в которой благо превращается в не-благо, бытие в

не-бытие, т. к. в старом мире всевластный человек подчиняет свою деятельность субъективному принципу "я хочу". Выбор между "я должен" и "я хочу" остается основополагающим нравственным началом, определяющим развитие и современного культурного пространства.

Литература

1. Тексты цит. по изданиям: Еремин И.П. Литературное наследство Кирилла Туровского// ТОДРЛ. Т. XI; Слово о полку Игореве. На рус. и англ. языках – М., 1981.
2. Гаспаров Б. Поэтика Слова о полку Игореве. – М., 2000.
3. Лихачев Д.С. Вступительная статья// Слово о полку Игореве. –Л., 1990. – С. 42.

Опубликовано: Кирилл Туровский и наше время: Сб. Материалов к 10-летию Общества Кирилла Туровского. – Гомель, 2003. – С. 50-56.